
Уголовное право и особенности квалификации преступлений

ВЕКЛЕНКО С.В.,

доктор юридических наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, начальник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России
postmaster@ptskl.baltnet.ru

СЕМЧЕНКОВ И.П.,

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России
semchenkov@mail@yandex.ru

СОРОКИН И.С.,

кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД Российской Федерации
issorokin@mail.ru

УДК 343.01

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ МОМЕНТ КОСВЕННОГО УМЫСЛА

Косвенный умысел, осознание, предвидение, возможность, неизбежность, убийство, общественная опасность.

В статье рассматриваются положения теории уголовного права и действующего уголовного законодательства, которые исключают возможность предвидения неизбежности последствий в косвенном умысле. Вскрываются причины такого решения вопроса. Обосновывается вывод о том, что предвидение неизбежности последствий может иметь место не только в прямом, но и косвенном умысле. Показано большое практическое значение данного вывода для правильной уголовно-правовой оценки содеянного и соблюдения принципа законности в уголовном праве. Кроме того, в статье излагаются и другие обладающие новизной, теоретической и практической значимостью результаты проведенного авторами научного исследования.

Цель настоящей статьи - ознакомить научную общественность с опытом непредвзятого научного анализа ошибок, имеющих место в понимании и законодательном описании интеллектуального момента косвенного умысла. Важной методологической особенностью исследования является использование универсального общенаучного метода «восхождения познания», который отдает приоритет фактам действительности и тем представлениям (научным абстракциям), которые им соответствуют [3, с. 9-10].

Статья 8 УК РСФСР 1960 года содержала обобщенное понятие умышленной формы вины, не выделяя отдельно умысел прямой и умысел косвенный. Соответственно этому характер предвидения последствий преступления при их наличии с точки зрения уголовного закона был всегда одинаков. И для прямого умысла, и для косвенного требовалось наличие предвидения последствий без разделения его на предвидение возможности (вероятности) и на предвидение неизбежности их наступления. В действующем УК РФ 1996 года этот вопрос решен иначе: понятия двух видов умысла сформулированы и закреплены по-отдельности. Понятие прямого умысла закреплено в ч. 2 ст. 25 УК РФ, косвенного - в ч. 3 той же статьи. К числу отличий одного вида умысла от другого относится характер предвидения последствий совершаемого деяния. Согласно ч. 2 ст. 25 УК РФ при прямом умысле лицо может предвидеть как возможность, так и неизбежность вредных последствий, а согласно ч. 3 ст. 25 УК РФ, то есть при косвенном умысле, - только возможность их наступления.

В основе законодательного разграничения прямого и косвенного умысла по характеру предвидения лежит точка зрения, согласно которой при совершении преступления с косвенным умыслом лицо может предвидеть только возможность преступных последствий, то есть вероятность их наступления, а неизбежность причиняемого вреда предвидеть не может. Однако данное законодательное решение и лежащая в его основе точка зрения представляются необоснованными. Реальные факты действительности указывают на то, что предвидение неизбежности преступных последствий может иметь место не только при прямом умысле, но и в случае косвенного умысла.

Например, ревнивый муж принимает решение убить бизнесмена (любовника жены), который всегда передвигается на автомобиле с водителем и охранником. Избранный способ убийства - взрыв жертвы вместе с транспортным средством, водителем и охраной [6, с. 19].

В отношении смерти бизнесмена умысел виновного является прямым, эта смерть необходима ему. Однако в отношении смерти водителя и охранника умысел является косвенным, их смерти не нужны виновному и являются побочным, косвенным результатом убийства бизнесмена. Не нуждается лицо и в уничтожении автомобиля, что также является побочным, косвенным результатом его преступления. На то, что характер предвидения по отношению ко всем последствиям абсолютно одинаков, указывает избранный способ совершения преступления. Приводя в действие взрывное устройство, виновный абсолютно одинаково предвидит неизбежность смерти и бизнесмена, и водителя, и охранника. Предвидение неизбежности присутствует у него и в отношении такого последствия, как уничтожение автомобиля.

По сути, в данной ситуации виновного следовало бы привлечь за три преступления: по ст. 222.1 УК РФ - за незаконные действия со взрывным устройством, по ч. 2 ст. 167 УК РФ - за умышленное уничтожение имущества путем взрыва, а также по п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ - за убийство трех лиц (одного - с прямым умыслом и еще двоих - с косвенным). Однако такой - правильной - квалификации препятствует недостаток ч. 3 ст. 25 УК РФ, которая превращает косвенный умысел с предвидением неизбежности в нечто несуществующее для уголовного закона. В рассматриваемом примере указанный недостаток делает невидимым для правосудия смерть водителя, смерть охранника и уничтожение автомобиля. По этой причине, руководствуясь принципом законности (ст. 3 УК РФ) и законодательным описанием косвенного умысла (ч. 3 ст. 25 УК РФ), виновного следует привлекать к ответственности не так, как того требуют фактические обстоятельства, а только за незаконные действия со взрывным устройством (ст. 222.1 УК РФ) и убийство одного человека (бизнесмена) по ч. 1 ст. 105 УК РФ.

Различие этих вариантов квалификации является не только существенным, но и вопиющим. О стремлении к максимально возможному достижению целей уголовного наказания в данном случае вопрос можно не ставить. Ответ на него и без того очевиден. Последний вариант квалификации не просто не способствует достижению названных целей, он является неодолимым препятствием на пути к их достижению.

Аналогичная ситуация может также иметь место при совершении, например, преступлений, выражающихся в причинении вреда здоровью, уклонении от уплаты налогов, причинении вреда при превышении пределов крайней необходимости, и во многих других случаях совершения преступлений с косвенным умыслом, которые характеризуются предвидением неизбежности наступления преступных последствий. В частности, весьма по-

казательным примером является убийство в ситуации превышения пределов крайней необходимости, когда родитель спасает жизнь своего ребенка за счет гибели нескольких ни в чем не повинных людей, понимая, что неизбежно причиняет им смерть. Совершенно очевидно, что смерти этих людей родитель не желает и, может быть, даже сожалеет о ее причинении, но тем не менее все равно считает ее допустимой ценой, которую он готов уплатить за спасение своего ребенка.

Для устранения проблемы необходимо соответствующим образом изменить ч. 3 ст. 25 УК РФ, и в практическом смысле этого должно быть достаточно. Однако принципы всесторонности и полноты исследования требуют рассмотрения аргументов, представляемых теми учеными, чья точка зрения положена в основу указанной правовой нормы.

Суть позиции авторов, полагающих, что при косвенном умысле предвидеть неизбежность последствий невозможно, максимально развернуто изложена А.А. Пионтковским: «Эвентуальный¹ умысел не может иметь места в тех случаях, когда лицо предвидело неизбежность наступления преступных последствий своих действий, ибо в этих случаях нельзя говорить, что виновный их не желал, но лишь сознательно допуская» [8, с. 361].

Но почему предвидеть неизбежность последствий можно только при желании их наступления, то есть только в случае прямого умысла, и невозможно при умысле косвенном, то есть при допущении последствий? Внимательное изучение трудов представителей рассматриваемой точки зрения показывает, что никаких аргументов, подтверждающих правильность тезиса о том, что при косвенном умысле предвидеть неизбежность невозможно, они не приводят. Вообще никаких. Ни одного. И не только они. Ответ на вопрос, сформулированный нами в начале абзаца, вообще никто до настоящего времени так и не дал.

Что же сподвигло ученых к несоответствующим действительности выводам? Ниже приводятся некоторые результаты наших поисков ответа на этот вопрос.

Привычное для нас название «косвенный умысел» стало распространяться лишь ближе к 50-м годам прошлого столетия. Во второй половине XIX века умысел, характеризующийся допущением последствий, назывался непрямым, а к концу XIX века его стали именовать эвентуальным. Впоследствии название «эвентуальный», позаимствованное из иностранной литературы по уголовному праву, настолько прочно укоренилось в качестве названия данной разновидности умысла, что просуществовало вплоть до 70-х годов XX века.

Прилагательное «эвентуальный» этимологически происходит от латинского слова «eventus» (случай), а о случае, случайности следует говорить только в такой ситуации, когда последствия могут наступить или не наступить: «Случайное событие - событие, которое может при осуществлении данных условий (т. е. при данном испытании) как произойти, так и не произойти и для которого име-

¹ Эвентуальный умысел - один из первоначальных вариантов названия косвенного умысла. Употреблялся до 70-х годов XX века. С учетом следующего ниже содержания статьи ее авторами к употреблению не рекомендуется.

ется определенная вероятность его наступления»¹. Поэтому «эвентуальный» всегда означает «возможный при соответствующих обстоятельствах, допустимый»².

В решении вопроса о том, можно ли использовать это слово в качестве названия косвенного умысла, следовало предварительно проверить, насколько оно соответствует его содержанию.

Интеллектуальный момент реального косвенного умысла, о чем было сказано выше, характеризуется предвидением не только возможности, но и неизбежности последствий, наступление которых допускает лицо. С учетом этого применение слова «эвентуальный» для названия косвенного умысла представляется неприемлемым. Оно влечет искусственное ограничение круга преступлений, которые могут быть признаны совершенными с косвенным умыслом. Использование данного слова позволяет относить к их числу исключительно те деяния, при совершении которых лицо, допуская последствия, предвидит лишь возможность их наступления. Что же касается преступлений, которые совершаются при допущении последствий, но с предвидением неизбежности их наступления, то они при этом оказываются выведенными за рамки не только косвенного умысла, но и в целом всей умышленной формы вины.

Это последнее обстоятельство довольно длительный период времени ни у кого беспокойства не вызывало. Имевшийся опыт осмысления преступлений, совершаемых с допущением последствий, повода для этого, по-видимому, не давал. Обозначенный выше недостаток слова «эвентуальный» никак себя не проявлял, оставался незамеченным, и представители рассматриваемой точки зрения вопросу о приемлемости использования данного слова должного внимания не уделяли.

Об эвентуальном умисле, как об умисле, при котором лицо предвидит только возможность (вероятность) причинения преступных последствий и допускает их наступление, писали Н.С. Таганцев, Л.С. Белогриц-Котляревский, Э.Я. Немировский, А.А. Пионтковский, В.В. Лясс, В.Я. Лившиц, А.А. Герцензон, Ш.Н. Грингауз, Н.Д. Дурманов, М.М. Исаев, М.Д. Шаргородский и другие представители науки уголовного права конца XIX - 70-х годов XX века. До середины прошлого столетия не было ни одного ученого, который бы утверждал, что при косвенном умисле лицо может предвидеть не только возможность, но и неизбежность преступных последствий.

В дальнейшем, по мере накопления материалов судебной практики, стало очевидным, что в некоторых случаях лицо, совершающее преступление при допущении последствий, предвидит не возможность, а неизбежность их наступления. На это в 1950 году обратил внимание Б.С. Утевский: «...наличие в отдельных конкретных делах сознания при эвентуальном умисле лишь возможности на-

ступления преступных последствий не исключает также случаев, когда последствия будут сознаваться как неизбежные, необходимые»; «Возможны ... случаи, когда виновный сознает неизбежность (необходимость) наступления нежелаемых последствий. Поджигатель может сознавать, что в поджигаемом доме находится инвалид, неспособный передвигаться, что во время поджога никого другого в доме нет, что инвалиду этому помощи ждать неоткуда и что, следовательно, он н е и з б е ж н о погибнет во время пожара» [9, с. 255]. Позднее, начиная с 1968 года, этой точки зрения стал придерживаться П.С. Дагель³.

В связи с этим необходимо отметить, что путь прогресса в обретении новых знаний не всегда имеет своим результатом фундаментальные открытия эпохального значения. Чаще всего он имеет характер поступательного движения в виде детализации, уточнения, усовершенствования уже имеющихся знаний. И здесь представляется очень важным заметить и не пропустить назревший момент очередного качественного скачка в развитии, когда имеющиеся понятия перестают соответствовать потребностям теории и практики. Б.С. Утевский и П.С. Дагель такой момент заметили, не пропустили, а другие представители науки уголовного права, также получившие образование и сформировавшиеся как ученые на применении термина «эвентуальный умисел», сделать этого не смогли.

Об этом свидетельствует фрагмент творчества А.Н. Трайнина, при восприятии которого следует не забывать о том, что слово «эвентуальный» в его время употреблялось в качестве синонима слова «косвенный» (напоминание приводится нами в скобках курсивом): «Действительно, и закон (ст. 10 УК⁴), и теория определяют эвентуальный (*косвенный*) умисел, как такое психическое отношение лица к преступному результату своих действий, при котором лицо хотя и не желает, но сознательно этот результат допускает. Эта формула широко распространена. Ею пользуются все авторы, пишущие об эвентуальном (*косвенном*) умисле. Эта формула приводится во всех учебниках советского уголовного права. Однако эта формула не охватывает всех специфических черт эвентуального (*косвенного*) умисла. Обратимся к следующему примеру. Производится ремонт дома. В кабине, прикрепленной канатом к крыше на высоте 10-го этажа, работают двое рабочих - Иванов и Семенов. Гр-н Романов, враг Иванова, задумал убить его и с этой целью подрезает канат, поддерживающий кабину; оба рабочих падают и разбиваются насмерть. Романов не желал убить Семенова, но смерть его сознательно допускал. При этой ситуации на основании приведенного выше эвентуального (*косвенного*) умисла пришлось бы признать, что Романов убил Иванова с прямым умислом, а Семенова - с умислом эвентуальным (*косвенным*). Однако такое решение глубоко ошибочно.

¹ Большой энциклопедический словарь // URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc3p/274606> (дата обращения: 20.01.2023).

² Комлев Н.Г. Словарь иностранных слов русского языка // URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_fwords/1260/эвентуальный (дата обращения: 20.01.2023).

³ См.: Дагель П.С. Проблемы вины в советском уголовном праве. Владивосток: 1968. С. 92, 93.

⁴ Здесь имеется в виду УК РСФСР 1924 года (прим. авт.).

Эвентуальный умысел, - и в этом его особенность, - предполагает, что результат, который, не желая, сознательно допускает виновный, именно э в е н т у а л е н, то есть может наступить, но может и не наступить» [10, с. 219].

В приведенном А.Н. Трайниным примере имеет место одинаковое предвидение неизбежности смерти обоих жертв, и сначала, опираясь на понятие косвенного умысла, он абсолютно верно делает вывод о том, что убийство Семенова должно быть признано совершенным с косвенным умыслом (*Романов не желал убить Семенова, но смерть его сознательно допускал*). Однако затем называет такое решение глубоко ошибочным на том основании, что оно не соответствует значению слова «эвентуальный»: в соответствии со значением данного слова лицо может предвидеть только возможность, а в приведенном примере виновный предвидел неизбежность смерти Семенова. Для устранения противоречия между фактом и неподходящим для него понятием А.Н. Трайнин избрал отрицание факта. Об этом свидетельствует и его окончательный вывод: «Поэтому не только убийство Иванова, но и убийство Семенова совершено Романовым с прямым умыслом» [10, с. 220]. «Логика», которую являет А.Н. Трайнин, анализируя данный пример, удивительна: сначала он говорит о том, что смерти Семенова виновный не желал, но сознательно ее допускал, а потом утверждает, что в отношении этой смерти имеет место прямой умысел, то есть такой, при котором лицо желает наступления последствий. О том, что, по мнению А.Н. Трайнина, при прямом умысле лицо желает наступления последствий, свидетельствует следующее его высказывание: «Сжато и **четко** определение прямого умысла: прямой умысел имеет место там, где лицо предвидело преступный результат своих действий и этого результата желало» [10, с. 218] (в цитате выделено нами - прим. авт.).

Причина такого парадоксального решения вопроса может быть только одна - нежелание расстаться с привычным понимаем косвенного умысла, которое основано на значении слова «эвентуальный», то есть инерция мышления, под которой понимают «склонность к сохранению уже имеющихся представлений, нежелание пересмотреть их, даже если они более не поддерживаются опытом или опровергаются им»¹. Иного объяснения столь парадоксальной точке зрения найти невозможно.

По причине инерции мышления А.Н. Трайнин так и не смог осознать того, что слово «эвентуальный» и вытекающее из его значения понимание косвенного умысла отстали от жизни и перестали соответствовать потребностям теории и практики уголовного права. И не он один. Слово «эвентуальный» давно уже принадлежит истории нашей науки, а суть его по-прежнему жива: согласно ч. 3 ст. 25 УК РФ при косвенном умысле может иметь место предвидение только *возможности* преступных последствий, а предвидение неизбежности их наступления так и продолжает оставаться для уголовного закона несуществующим.

В отличие от авторов, полагающих, что при косвенном умысле предвидение неизбежности по-

следствий невозможно, мы опираемся на факты действительности, а потому, столкнувшись с несоответствием фактов и понятий о них, предлагаем корректировать понятия, а не подгонять представления о действительности под значение слов, неверно употребляемых для характеристики этих фактов.

Методология нашего исследования и полученные на ее основе результаты полностью подтверждают правильность точки зрения Б.С. Утевского (1950 г.), П.С. Дагеля (1968 г.) и В.В. Питецкого, который в 1999 году вновь обратил внимание на то, что при косвенном умысле может иметь место предвидение неизбежности вредных последствий [5, с. 12]. Из ближайших нам современников о возможности предвидения неизбежности при косвенном умысле также говорит Е.В. Благов, по мнению которого такой умысел по причине несовершенства уголовного закона не может быть отнесен ни к прямому умыслу, ни к косвенному [1, с. 59].

Остается лишь сформулировать изменения уголовного законодательства, способные устранить выявленный недостаток ч. 3 ст. 25 УК РФ. На первый взгляд, для этого достаточно дополнить эту правовую норму указанием о том, что косвенный умысел может характеризоваться предвидением не только возможности, но и неизбежности наступления последствий, ведь доказательству именно этого обстоятельства посвящена вся предыдущая часть настоящей работы. Однако в связи с этим необходимо отметить, что авторы статьи не относят себя к сторонникам совместного использования для описания видов умысла таких категорий, как «вероятность» и «неизбежность». Выше мы оперировали данными категориями не по своему желанию, а вынужденно. Они используются в рамках критикуемой в работе точки зрения, в силу чего без их употребления проведение научного анализа данной точки зрения было бы попросту невозможно. Теперь же, после принципиального решения проблемы, мы полагаем необходимым обратить внимание на нецелесообразность совместного (парного) употребления данных категорий в уголовном праве.

Прежде всего необходимо помнить о том, что разделение предвидения последствий на предвидение возможности и предвидение неизбежности их наступления было обусловлено употреблением в качестве названия косвенного умысла позаимствованного из иностранных источников слова «эвентуальный», то есть «возможный, вероятный», которое на самом деле для названия косвенного умысла не подходит. Применение данного слова искусственно ограничило круг преступлений, которые могут быть признаны совершенными с косвенным умыслом, и позволяло относить к их числу только те деяния, при совершении которых лицо предвидит лишь возможность наступления последствий. Это повлекло за собой необходимость отграничения данных «эвентуальных» случаев от остальных, то есть таких, которые «эвентуальными» не являются. Но что представляют собой эти остальные, другие случаи? Для их характеристики было задействовано слово «неизбежность». Данное обстоятельство указывает на то, что разделение

¹ Чекмарев Г.Б. Психнетика // URL: <https://www.litmir.me/br/?b=744329&p=1> (дата обращения: 23.01.2023).

предвидения последствий на предвидение возможности и неизбежности их наступления есть следствие ошибочного употребления слова «звентуальный», не более того. Если бы косвенный умысел сразу стал именоваться русским словом «косвенный», то никакой необходимости в этих нюансах предвидения не возникло. Для удовлетворения потребностей теории и практики уголовного права вполне достаточно обобщенной формулировки «предвидение наступления последствий», которая была использована в ст. 8 УК РСФСР 1960 года.

Помимо этого, неудачным является и сам термин «предвидение неизбежности преступных последствий», слабым местом которого является слово «неизбежность».

Некоторые представители науки уголовного права утверждают, что неизбежности существовать не может. «Неизбежности как таковой не существует, - указывает А.П. Козлов, - поскольку в реальной жизни имеется неисчислимое количество случаев, когда мнимо неизбежные результаты не наступали (преступник ударил в висок потерпевшего шилом, которое прошло через мозг и вышло с противоположной стороны, жертву спасли; в голову жертвы выстрелили из пистолета, пуля проникла внутрь черепа, прошла по кривой вдоль черепной коробки, жертву спасли... подобные примеры можно продолжать до бесконечности)» [4, с. 604, 605].

При рассмотрении данного вопроса мы не настолько категоричны в выводах, как А.П. Козлов, поэтому, не отрицая факта существования неизбежности¹, предлагаем сосредоточиться *только на возможности предвидения неизбежности и только преступных последствий*, не затрагивая иные сферы, в которых человек прибегает к предвидению.

О действительных результатах такой сложной многофакторной деятельности человека, как умышленное преступление, абсолютно точно может знать один только Бог. Человеку об этом гарантированно знать не дано, причем даже при стопроцентной его субъективной (мнимой) уверенности. На самом деле в данном смысле необходимо вести речь о предвидении более или менее высокой степени вероятности наступления преступных последствий [2, с. 61].

Во многих случаях, основываясь на своем опыте познания окружающего мира, понимании закономерностей и тенденций его движения во времени, лицу действительно удается предугадать высокую или даже очень высокую вероятность успешного совершения преступления, но все же - только предугадать и только вероятность. Для достоверного предвидения человеку необходимо учитывать абсолютно все без исключения обстоятельства, кото-

рые могут повлиять на предвидимый общий исход преступления, а человеческое сознание всех этих факторов никогда учесть не может, - возможности человека по получению информации об окружающем мире весьма ограничены. Подтверждением тому являются факты привлечения виновных к ответственности за приготовление к преступлению и покушение на его совершение, то есть за деяния, которые не были доведены до конца по независящим от лица обстоятельствам. Причина такого недоведения преступления до конца всегда заключается в том, что эти обстоятельства лицо не предвидело либо предвидело, но не во всей их полноте. Особенно отчетливо и показательно этот недостаток проявляется при фактической ошибке, когда лицо может быть абсолютно убеждено в успешном для него исходе совершаемого покушения, а оно вообще никакого вреда причинить не может. Например, это попытка убийства мертвого человека выстрелом в голову из пистолета с подпиленным бойком в ситуации, когда лицо полагает, что жертва жива, а оружие боеспособно.

Кроме того, включение в уголовный закон предвидения неизбежности последствий снова, как и при действующей редакции ч. 2 ст. 25 УК РФ, обяжет суды скрупулезно исследовать этот весьма непростой вопрос. Но для чего? Ранее, то есть до написания данной статьи, это было необходимо для того, чтобы проводить отличие по характеру предвидения между умыслом прямым и косвенным. Однако содержание нашей работы показывает фиктивность, надуманность этого отличия и тем самым делает ненужной работу по установлению того, каким именно было предвидение последствий: предвидением возможности или предвидением их неизбежности, где под предвидением неизбежности в подавляющем большинстве случаев все равно необходимо понимать лишь мнимую стопроцентную уверенность лица в успешном исходе преступления. Для установления вины достаточно, чтобы лицо предвидело сам факт возможного наступления преступного результата [2, с. 61]. Установление того, какую именно степень вероятности последствий предвидело лицо, является в этом смысле излишним.

Принимая во внимание данные аргументы, представляется целесообразным, во-первых, изменить законодательное описание характера предвидения не только для косвенного умысла, но и для прямого, ибо они, как показывают результаты нашего исследования, на самом деле в этом плане ничем между собой не отличаются. Во-вторых, при описании характера предвидения, имеющего место при наличии последствий, следует сделать акцент на

¹ 1) Разновидностью неизбежности является закономерность, под которой подразумевается устойчивое повторение явлений, событий при определенных условиях. Например, не надо быть прорицателем, чтобы сказать, что в земных условиях любая вещь, имеющая плотность выше, чем у воздуха, будучи выпущенной из рук, и при отсутствии к тому препятствий неизбежно упадет вниз. Если два возвести в квадрат, неизбежно получим четыре, и т.д. Поэтому отрицать неизбежность как таковую нельзя. Она, рассматриваемая как закономерность, является одновременно и предметом, и инструментом познания очень многих наук. С учетом этого в настоящей статье мы рассматриваем вопрос не о существовании неизбежности, а о возможности ее предвидения и только в отношении преступного результата и делаем это лишь потому, что успешный для преступника исход его преступления на самом деле в подавляющем большинстве случаев носит вероятностный характер. 2) В приведенном высказывании А.П. Козлова, судя по всему, имеет место невольная подмена тезиса, неточность мысли: автор имел в виду невозможность предвидения неизбежности, а фактически сказал о невозможности ее существования (прим. авт.).

VEKLENKO S.V.,

Doctor of Law, Professor, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation, Head of the Kaliningrad Branch of the Saint-Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia

SEMCHENKOV I.P.,

PhD in Juridical Sciences, Docent of the Department of Criminal Law, Criminology and Penitentiary Law of the Kaliningrad Branch of the Saint-Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia

SOROKIN I.S.,

PhD in Juridical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Criminal Law, Criminology and Penal Law of the Kaliningrad Branch of the Saint-Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia

THE INTELLECTUAL MOMENT OF INDIRECT INTENT

Indirect intent, awareness, foresight, possibility, murder, inevitability, public danger.

The article discusses the provisions of the theory of criminal law and the current criminal legislation, which exclude the possibility of foreseeing the inevitability of consequences in indirect intent. The reasons for such a decision of the issue are revealed. The conclusion is substantiated that the prediction of the inevitability of consequences can take place not only in direct, but also indirect intent. The great practical significance of this conclusion for the correct criminal-legal assessment of the deed and the observance of the principle of legality in criminal law is shown. In addition, the article presents other novelty, theoretical and practical results of the research conducted by the authors.

предвидении *возможности* их наступления, а неизбежность последствий вообще не упоминать [2, с. 65]. Вместе с тем под возможностью необходимо понимать не только вероятность, а любое потенциальное состояние действительности, в том числе и неизбежное, как это делается в классическом философском контексте употребления парных категорий возможности и действительности.

Помимо этого, при описании самих последствий преступления желательно назвать эти последствия вредными, чего будет достаточно для их отграничения от возможных иных последствий, которые в качестве преступных рассматриваться не могут.

Именовывать эти последствия общественно опасными мы не рекомендуем. Признак общественной опасности, приписываемый преступлению и его последствиям, является бесперспективным, методологически необоснованным и действительности не соответствующим [7]. Но даже если это не так (или, скорее всего, пока что до некоторых пор не так), то указание в уголовном законе на общественную опасность последствий требует и будет продолжать требовать от судов доказывания того, что лицо знает это понятие общественной опасности, правильно его понимает и во время совершения преступления обязательно им оперировало. По нашему мнению, это неосуществимо [2, с. 62]. Причем не только в силу отсутствия механизма доказывания наличия этих обстоятельств, что само по себе *уже* представляет собой непреодолимое препятствие, но прежде всего потому, что большинство преступников во время совершения преступления об этом вообще не думают и даже слов таких не знают. А если лицо заявит о своем несогласии с тем, что общественная опасность признается обязательным признаком преступных последствий? Что будет делать в такой ситуации суд? Неужели признает, что деяние совершено невиновно? Конечно, нет. Судебная практика и признак «общественная опасность» всегда существовали рядом, но жили при этом отдельно друг от друга, своей жизнью. Так зачем, к чему упоминать при описании умысла общественную опасность? Когда мы уже перестанем писать законы, требования которых выполнить невозможно? Кстати, данная проблема присуща законодательному описанию процессов не только предвидения, но и осознания: по действующему УК РФ преступление признается совершенным и с прямым, и с косвенным умыслом, «если лицо осознавало общественную опасность своих действий (бездействия)» (ч.ч. 2 и 3 ст. 25 УК РФ).

При совершении преступления с умышленной формой вины суды на самом деле устанавливают осознание не общественной опасности, а фактического характера совершаемого деяния. Никто перед собой нереальную задачу установления того, что лицо сознавало общественную опасность деяния, даже не ставит. Иное дело - установление осознания фактического содержания преступления. Это уже решаемая задача. Лицо, совершающее убийство, должно сознавать, что причиняет смерть другому человеку, насильник, - что совершает половое сношение с применением насилия к потерпевшей, взяточник, - что совершает подкуп чиновника и т.д. Помимо этого, для привлечения к ответственности за умышленное преступление ничего иного в плане осознания не требуется. Именно об этом, а не о сознании общественной опасности идет речь в любом обвинительном заключении и приговоре. Статьи 220, 307 и 308 УПК РФ содержат весьма подробные и исчерпывающие перечни обстоятельств, которые должны быть отражены в данных документах, однако осознание общественной опасности деяния и его последствий в них вообще не упоминается.

Против требования осознания общественной опасности высказывались и другие авторы, например Е.В. Благов, который признает его сомнительным и предлагает вместо него требование осознания фактического характера совершаемого лицом действия (бездействия) [1, с. 58].

Принимая во внимание все содержание данной статьи в целом, считаем целесообразным изложить описание интеллекту-

альных моментов прямого и косвенного умысла совершенно одинаково и следующим образом: преступление признается совершенным с прямым или, соответственно, с косвенным умыслом, *«если лицо сознавало фактический характер своих действий (бездействия), предвидело возможность наступления вредных последствий»*.

При этом под предвидением возможности необходимо понимать предвидение *любой вероятности последствий, включая предвидение и мнимой, и реальной неизбежности их наступления*. То есть рассматривать возможность в более широком смысле, как это делается в контексте парных категорий возможности и действительности, где под возможностью подразумевается любое потенциальное, в том числе неизбежное, будущее состояние действительности.

Однако понимание данной тонкости предвидения возможности может оказаться затруднительным, поэтому во избежание данной проблемы в качестве варианта полагаем приемлемым еще более краткое описание характера предвидения, имеющего место при совершении умышленного преступления: *«...предвидело наступление вредных последствий»*. Для устранения проблемы привлечения к ответственности за преступление с косвенным умыслом при наличии такого предвидения, которое принято называть предвидением неизбежности наступления последствий, этого будет достаточно. Таким образом, преступление должно признаваться совершенным с прямым и косвенным умыслом, *«если лицо сознавало фактический характер своих действий (бездействия), предвидело наступление вредных последствий»*. ■

Библиографический список:

1. Благов Е.В. Актуальные проблемы права (Общая часть): Учебное пособие. Ярославль: ЯрГУ, 2008. 303 с.
2. Векленко С.В. Предвидение как элемент виновного отношения лица к нарушению им уголовно-правового запрета // Инновационное образование и экономика. 2009. № 4. С. 60-62.
3. Векленко С.В., Семченков И.П. Критический анализ понятия субъективной стороны преступления как элемента состава преступного деяния // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2022. № 3 (69). С. 9-11.
4. Козлов А.П. Понятие преступления. СПб: Юридический центр Пресс, 2004. 819 с.
5. Питецкий В.В. Сужение понятия косвенного умысла влечет ужесточение уголовной репрессии // Российская юстиция. 1999. № 5. С. 49-50.
6. Семченков И.П. Актуальные проблемы учения о стадиях совершения преступления: Монография. Калининград: КФ СПбУ МВД России, 2014. 88 с.
7. Семченков И.П. Признание общественной опасности конструктивным признаком понятия преступления методологически несостоятельно // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2019. № 1 (55). С. 41-44.
8. Пионтковский А.А. Курс советского уголовного права. Общая часть. Учение о преступлении по советскому уголовному праву. М.: Институт государства и права Академии наук СССР: Гос. изд-во юрид. лит., 1961.
9. Утевский Б.С. Вина в советском уголовном праве. М.: Всесоюзный ин-т юридических наук М-ва юстиции СССР: Гос. изд-во юрид. лит., 1950.
10. Трайнин А.Н. Состав преступления по советскому уголовному праву. М.: Всесоюзный ин-т юридических наук М-ва юстиции СССР: Гос. изд-во юрид. лит., 1951.